

На правах рукописи

АВЕРИН
Александр Валентинович

**СУДЕБНОЕ ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ
И ФОРМИРОВАНИЕ
НАУЧНО-ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ СУДЕЙ
(ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ)**

12.00.01 — теория и история права и государства;
история правовых учений

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т
диссертации на соискание ученой степени
доктора юридических наук

Саратов - 2004

Диссертация выполнена на кафедре теории государства и права
Государственного образовательного учреждения
высшего профессионального образования
«Саратовская государственная академия права»

Научный консультант: заслуженный деятель науки РФ,
доктор юридических наук, профессор
Байтин Михаил Иосифович

Официальные оппоненты: заслуженный деятель науки РФ,
доктор юридических наук, профессор
Пиголкин Альберт Семенович;

заслуженный юрист РФ, доктор
юридических наук, профессор
Поленина Светлана Васильевна;

заслуженный юрист РФ, доктор
юридических наук, профессор
Радько Тимофей Николаевич

Ведущая организация: ***Российская академия правосудия***

Защита состоится 14 сентября 2004 года в 14 часов на заседании диссертационного совета Д-212.239.02 в Государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Саратовская государственная академия права» по адресу: 410056, г. Саратов, ул. Чернышевского, 104, ауд. 102.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Саратовская государственная академия права».

Автореферат разослан 14 июля 2004 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор юридических наук,
профессор

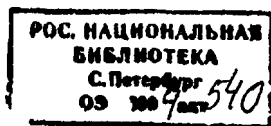

И. Н. Сенякин

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования обусловлена значением судебной власти как одной из ветвей государственной власти для формирования и функционирования в России правового государства, в условиях которого конституционно закрепленные права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими и обеспечиваются правосудием.

В конце XX века в общественной жизни России происходят изменения, о которых в 30-50-х годах говорить было опасно для жизни, а каких-нибудь 20 лет назад — для свободы. Какой Россия станет в XXI веке? Будет ли это страна с процветающей экономикой и развитыми демократическими институтами или останется в оковах экономической нестабильности, анархии, беззакония? Эти не риторические вопросы волнуют любого мыслящего человека. Путь, по которому пойдет наше государство, зависит от многих факторов, одним из которых является фактор выверенности, последовательности, глубины и стабильности проводимых реформ. Одна из важнейших в их ряду — правовая. Проводимая правовая реформа кардинальным образом затрагивает все стороны правовой жизни общества и, в первую очередь, судебную систему. По тому, насколько целенаправленно и последовательно будет проводиться судебная реформа, можно с достоверностью судить о глубине демократических преобразований в нашем обществе.

Чтобы в практическом плане продвигаться по пути становления судебной власти, необходимы теоретические разработки, обосновывающие, для чего это нужно, ради каких целей необходима судебная реформа, призванная утвердить судебную власть в государственном механизме в качестве самостоятельной, влиятельной и независимой силы¹.

В связи с этим очевидна актуальность темы данной работы.

Проблема судебного правоприменения — одна из крупных и наиболее сложных, теоретически и практически значимых и интересных в юриспруденции. Судебное правоприменение есть не что иное, как сердцевина и опора правовой жизни общества. Без него немислима жизнь как права, являющегося государственным регулятором общественных отношений, важнейшим инструментом социального развития, так и самого общества.

В современных условиях коренных экономических, политических, социально-культурных и иных преобразований, формирования цивилизованного гражданского общества и правового государства в России роль суда, судебного правоприменения особенно возрастает. Практически все сферы жизни государства и общества пронизаны правовой материей, призванной упорядочить социальные связи, стимулировать развитие прогрессивных отношений, препятствовать негативным социальным явлениям или пресекать их, обеспечивать достижение намеченных государством целей и задач.

Везде, где связь участников этих разносторонних общественных отношений опосредована правом, постоянно возникают, изменяются, прекращаются и вновь возникают правовые отношения. И там, где для правового анализа сложных хитросплетений человеческих отношений требуется арбитр, судебное правоприменение оказывается той сферой государственной деятельности, которая позволяет не только дать правовую оценку возникшим правоотношениям, разрешить тот или иной спор по существу, но и направить дальнейшее развитие конкретных отношений и связей в прогрессивное русло.

¹ *Лебедев В.М. Судебная власть в современной России. Проблемы становления и развития. СПб, 2001. С. 30.*

Проблема правоприменения издавна привлекала к себе внимание ученых-правоведов. Она получила разностороннюю разработку в трудах специалистов как по общей теории государства и права, так и отраслевых юридических дисциплин. Однако, за отдельными исключениями, основная часть общетеоретических работ опубликована десятки лет назад, причем их квинтэссенция состоит преимущественно в теоретическом осмыслении проблемы правоприменения в целом. Что касается судебного правоприменения, то оно рассматривалось в специальной литературе либо в связи с другим предметом специального исследования, либо в качестве иллюстративного материала к анализу общих вопросов применения права. При этом внимание обращалось, как правило, лишь на отдельные стороны проблемы. В результате до настоящего времени в рамках общей теории государства и права отсутствовало более или менее цельное комплексное освещение проблемы судебного правоприменения. Нет ни одной монографии по теории права, специально посвященной исследованию судебного правоприменения с учетом достижений современной научно-правовой мысли и обобщения юридической, в первую очередь, судебной практики.

Между тем за последние годы социальные преобразования в России привели к накоплению обширного эмпирического материала и поставили в повестку дня множество новых вопросов, ответы на которые призваны дать гуманитарные науки, в том числе юридическая, и прежде всего, общая теория государства и права.

Кроме того, несмотря на детальную разработку проблемы правоприменения в юридической литературе, некоторые вопросы продолжают оставаться полемическими, имеют место и пробелы, и недостаточная исследованность отдельных сторон этой важной и сложной проблемы, в частности — научная разработка соотношения теории судебного правоприменения и судебной практики как широкого поля правоприменительной деятельности государства.

По мнению диссертанта, необходима тесная взаимосвязь правовой теории и практики, поскольку правовая жизнь довольно часто создает конфликтные ситуации, разрешить которые без их теоретического

анализа крайне затруднительно. Всем изложенным выше и обусловлен выбор темы данного диссертационного исследования.

Диссертация представляет собой плод многолетних раздумий автора над проблемами права и его применения в тесной связи с проблемами судопроизводства в нашей стране. В этой связи она сохраняет преемственность с защищенной соискателем в 1994 году кандидатской диссертацией на тему: «Правоотношение и судебная практика», продолжает и развивает выбранную и начатую в ней линию научного исследования и является более важным этапом в исследовании интересующей автора проблемы соотношения истины и судебного правоприменения. При этом автор не претендует на озвучение «истины в последней инстанции», а лишь стремится изложить свое видение темы, обозначить наиболее важные и спорные, по его взгляд, вопросы и предложить возможные варианты ответов на них, привлечь внимание к новым идеям и моментам, поделиться своим пониманием затрагиваемых в этой связи социальных и правовых проблем.

Существует множество причин, препятствующих более полному, глубокому, быстрому и всестороннему проведению судебной реформы в России. Это и невозможность ее «опережающего» темпа в рамках социально-экономических преобразований всего общества (объективная потребность соразмерности и соотносимости комплексных усилий общества для проведения судебной реформы и одновременно с этим комплексных усилий общества для проведения иных социальных и экономических преобразований); это и субъективный фактор — «непонимание» многими государственными деятелями жизненной важности для общества проведения судебной реформы; это и скрытое, а иногда и явное противодействие судебной реформе со стороны исполнительной власти и силовых структур; это и, своего рода, «внутреннее сопротивление», связанное с тем, что значительная часть судейского корпуса при отправлении правосудия с трудом избавляется от стереотипов старого консервативного мышления и, самое печальное, не прилагает усилий к формированию мышления, соответствующего духу судебной реформы и осуществляемым в стране социально-экономическим преобразованиям.

Из всего многообразия этих факторов, тормозящих процесс проведения судебной реформы в жизнь, для автора, с научно-правовой точки зрения, наибольший интерес представляет фактор «внутреннего сопротивления», поскольку его изучение позволяет доказать необходимость и обозначить пути формирования судейского менталитета нового времени, изменения мышления судей и всех лиц, так или иначе причастных к проведению судебной реформы.

Безусловно, для полного научного обоснования необходимости проведения российской судебной реформы требуется анализ значительного по объему философского, теоретико-правового, исторического, лингвистического и эмпирического материала, что осуществить в рамках одной работы невозможно, да, видимо, в этом и нет необходимости. Однако, говоря о новом уровне мышления судей, логично предположить, что он не может сформироваться, если судья в своей деятельности будет ограничиваться лишь изучением действующих норм права и вопросов, связанных с применением этих норм в рамках судебной практики. Такой «узкий» подход к повышению профессионального уровня судьи значительно обедняет правосознание судьи, и, отнюдь, не способствует решению задачи воспитания судьи нового времени.

Думается, что помимо «узко практических» знаний, любое лицо, претендующее на право посвятить свою жизнь делу отправления правосудия, должно достаточно четко представлять себе (кроме прочих правовых категорий и понятий) научную трактовку понятий: права, законности и правопорядка, разделения властей и связанной с ним независимости суда, судебного правоприменения.

В связи с этим особо актуальна проблема *необходимости формирования научно-правового мышления судей.*

На современном этапе в жизни нашего общества проводимая судебная реформа, встречающая на своем пути множество преград, постоянно испытывая внешнее противодействие, может, преодолев его, «затормозиться» изнутри. Таким внутренним тормозом может оказать-

я субъективный фактор, опасным проявлением которого служит консервативное мышление значительной части судей, выработанное за годы советского прошлого и в условиях десятилетней нестабильности, социально-экономических экспериментов и правовой дисгармонии. В качестве одного из его компонентов имеется в виду и обвинительный уклон в мышлении судей, который, по меткому выражению В.М. Савицкого, является пагубным для правосудия и до конца, к сожалению, не преодоленным.

Естественно возникает вопрос, *как* с учетом кардинально меняющихся жизненных реалий *создать условия*, при которых будет сформирован дух и менталитет судьи, соответствующий духу проводимой судебной реформы? Можно, конечно, говорить о принципиальных нововведениях в судоустройстве России, о переносе на почву российской действительности зарубежных форм организации судопроизводства, проверенных вековой практикой. Однако в связи с этим хочется напомнить мысль, высказанную еще в 1860 году русским юристом В.Д. Спасовичем: «Заимствования готовых форм и перенесение их с одной почвы на другую оказываются всегда безуспешными, потому что скопировать форму можно, но дух, содержание учреждения не передаются от народа к народу, а они-то и составляют главное».

Иными словами, формирование духа судейского корпуса, соответствующего духу судебной реформы, — отнюдь не второстепенная задача, и одним из важных условий ее решения как раз и является формирование научно-правового мышления судей. Обоснование и раскрытие этого тезиса составляет одно из основных, по сути новых направлений, исследуемых в данной работе. Что же касается времени, которое необходимо изыскать для формирования у судей научно-правового мышления, то в пределах проводимых судебными департаментами, судами и вышестоящими судами мероприятий по изучению и обобщению судебной практики и законодательства, повышению квалификации и просто обмену опытом, вполне реально и должно уделить внимание важнейшим теоретическим вопросам права, понимание ко-

торых даст возможность каждому судье неизмеримо более осмысленно и творчески подходить к применению права к разрешению любого правового конфликта, видеть в себе не простого клерка, выполняющего рутинную работу, а должностное лицо, наделенное высочайшим доверием и ответственностью, Судью (с большой буквы!), который понимает, что в природе не существует двух одинаковых правовых конфликтов, что закон не может дать гарантированную регламентацию всех без исключения отношений и связей между людьми.

Формирование научно-правового мышления должно начинаться в вузах. Именно будущим юристам необходимо понять ту роль, которую призван играть суд в государстве, стремящемся стать правовым. Знания о суде студенту юридического вуза необходимо приобретать с самого начала обучения. Впоследствии эти знания должны углубляться и расширяться. Подлинный юрист нуждается не просто в сумме правовых знаний, но и в строгих моральных установках. Чтобы разрешать сложные правовые проблемы, разрабатывать законы, заниматься иной юридической практикой, требуется независимое мышление, готовность к критическому анализу различных явлений, умение определять соответствие той или иной юридической нормы праву.

Таким образом, теоретическое осмысление проблем судебного правоприменения в плоскости их прямого выхода на судебную практику, причем через вопросы, поставленные самой судебной практикой, подчеркивает актуальность выбранной темы научного исследования.

Объект, цель и задачи исследования. *Объектом* диссертационного исследования выступают гносеологические аспекты социально-юридической взаимосвязи теоретических проблем судебного правоприменения как важнейшего и специфического поля правоприменительной деятельности государства и судебной практики, фундаментальные и методологические вопросы судебного правоприменения.

Цель настоящей работы состоит в комплексном исследовании основных проблем теории судебного правоприменения под углом зрения формирования научно-правового мышления судей и судебной практи-

ки, раскрытии взаимосвязи теории судебного правоприменения и самой судебной практики как в целом, так и отдельных ее сторон. В соответствии с этим поставлены *следующие задачи*:

1. Раскрыть и обосновать теоретическую и практическую значимость нормативного подхода к правопониманию для судебного правоприменения.

2. Сформулировать критерии взаимосвязи, взаимозависимости и взаимообусловленности всех ветвей государственной власти. Обосновать тезис о практической значимости для судьбы точного понимания принципа разделения властей и независимости суда.

3. Проанализировать в общем плане понятие и основные стадии процесса применения права, виды и акты правоприменения.

4. Рассмотреть основные проблемы правоприменения в суде, в том числе: юридического познания и истины; виды и акты судебного правоприменения; толкование закона в процессе судебного правоприменения, а также проблемы судебных доказательств и доказывания в судебном процессе.

5. Исследовать вопросы эффективности судебного правоприменения.

6. Раскрыть и обосновать соотношение правотворчества и судебного правоприменения с позиций их социальной взаимосвязи и взаимообусловленности; способы обратной связи и эффективного воздействия судебной практики на правотворчество.

7. На основе проведенного исследования сформулировать конкретные предложения и рекомендации по совершенствованию законов и подзаконных нормативных актов, выявлению устаревших законов, пробелов в законодательстве и совершенствованию правоприменительной деятельности суда, обратив особое внимание на научно-практические рекомендации, связанные с проведением судебной реформы в Российской Федерации и осуществлением задач укрепления законности.

Научная новизна исследования. Диссертация представляет собой первое в российской юридической науке общетеоретическое монографическое исследование, специально посвященное вопросу комплексного осмысления теоретических и практических проблем судебного правоприменения во взаимосвязи с проблемой формирования научно-правового сознания судей. Научная новизна выполненной работы определяется выбором темы и подходом к ее исследованию, постановкой связанных с этим целей и задач.

Подобная комплексная постановка вопросов научного исследования является не только новацией в теории права. Есть все основания надеяться, что настоящая работа *откроет новое направление в исследовании применения права*, поскольку его дальнейшее изучение целесообразно как в свете правоприменительной деятельности всех ветвей власти, так и в ракурсе арбитражной, прокурорской, следственной и других разновидностях юридической практики.

Согласно целям и задачам с учетом современного уровня развития юриспруденции в работе анализируются важнейшие вопросы теории правоприменения — понятие и основные стадии процесса применения права, виды правоприменения, акты правоприменения, толкование закона и другие. На основе критического анализа научной литературы, как дореволюционной, так и последнего времени, в тесной связи с обобщением практики по уголовным, гражданским, административным делам предлагается авторское видение теоретических вопросов судебного правоприменения.

В результате обобщения и систематизации проблемных вопросов темы автор вышел на освещение вопросов соотношения таких правовых явлений, как правотворчество и судебное правоприменение. С учетом данных общей теории государства и права и специально-отраслевых юридических наук в диссертационном исследовании намечены нетрадиционные подходы к трактовке и решению ряда вопросов.

Научная и практическая значимость настоящего диссертационного исследования заключается в новой для отечественной юриспру-

денции постановке вопроса — изучение теоретических аспектов проблемы судебного правоприменения и судебной практики в их органической взаимосвязи. Научный анализ теоретических проблем теории судебного правоприменения — это исключительно важная, но все же только одна из сторон подхода к изучению такого многогранного и многоаспектного явления правовой жизни современного общества, как судебное правоприменение. Не менее важной, по мнению автора, является и другая сторона изучения проблемы судебного правоприменения — научный анализ практических проблем теории судебного правоприменения.

Научная и практическая значимость предлагаемой работы состоит также и в том, что диссертант предпринял попытку осуществить научное исследование теоретических и практических проблем судебного правоприменения в их взаимосвязи, причем теоретические проблемы изучались через призму практических, которые, в свою очередь, подвергались анализу в ракурсе теоретических проблем. В итоге проблемы правового явления, подвергавшегося научному исследованию, освещались как бы изнутри и извне, благодаря чему вопросы судебного правоприменения получили в известной степени цельное, разностороннее, комплексное освещение. В свою очередь, глубокое научное осмысление различных сторон проблемы судебного правоприменения, с одной стороны, дает возможность правоприменителю поступать в процессе применения права точнее, вывереннее, целенаправленнее, что должно способствовать укреплению законности и правопорядка, а, с другой стороны, позволяет раскрыть механизм взаимосвязи правоприменения и правотворчества, с помощью которого возможно и необходимо своевременное реагирование компетентных субъектов правотворчества на произошедшие изменения в экономической и социальной жизни общества путем приведения составляющих право норм в соответствие с велением времени.

Выбранный научный подход к исследованию проблем судебного правоприменения позволяет углубить теоретические представления о рассматриваемом правовом явлении, оказывая влияние как на развитие

теории судебного правоприменения, так и на продвижение судебной реформы в России путем уточнения теоретико-содержательной и технико-юридической сторон судебной практики. Соответственно этому диссертация устремлена на решение назревших задач совершенствования, судебной практики, обоснование связанных с этим научно-практических предложений и рекомендаций. В частности, диссертант раскрывает, мотивирует и развивает выдвинутый им тезис о том, что проблема совершенствования правотворчества нуждается в выходе за пределы этого вида государственной деятельности в сферу правоприменения, причем судебного. Предлагается законодательное решение проблемы совершенствования правотворчества путем определенного распределения и сочетания контроля за соответствием норм права современному уровню развития - общества между сферами как правотворчества, так и судебного правоприменения.

Некоторые выводы, полученные в ходе исследования проблемы судебного правоприменения, могут быть использованы в специально-отраслевых юридических науках, в правотворческой и правоприменительной практике государственных органов.

Настоящее диссертационное исследование выполняет и методологическую функцию, поскольку направлено не только на теоретическое освещение научной темы, но и на решение задачи формирования научно-правового сознания судей. В работе с общетеоретических и социально-правовых позиций анализируются фундаментальные проблемы судебного правоприменения, среди которых — теоретические проблемы правопонимания, разделения властей, независимости суда, юридического познания, юридической герменевтики, доказывания в судебном процессе и судебных доказательств. Понимание этих проблем крайне важно для судьи.

Основные положения данной научной работы могут быть использованы в процессе преподавания в высших юридических учебных заведениях таких дисциплин, как теория государства и права, судебная власть, прокурорский надзор и некоторых отраслевых юридических дисциплин, а также при подготовке учебников и учебно-

методических пособий по таким темам теории права, как правопонимание, правотворчество, правоприменение, законность, правопорядок и другим:

Методологическая основа исследования. В процессе работы над диссертацией автор изучил обширную историческую, философскую, социологическую и специальную юридическую литературу как по общей теории государства и права, так и конституционному, уголовному, гражданскому, административному, трудовому, земельному, гражданско-процессуальному, уголовно-процессуальному и другим отраслям права. Одновременно диссертант проанализировал судебную практику Собинского городского суда Владимирской области, Владимирского областного суда, Верховного Суда России, Конституционного Суда Российской Федерации и другой социологический материал, в том числе эмпирические данные, накопленные им за 16-летнюю судебную практику и за 4 года адвокатской деятельности, в ходе которой автор, продолжая заниматься теоретико-правовыми изысканиями, наблюдал за правоприменительной практикой судов разного уровня (от мировых до Верховного Суда России), подвергая ее теоретическому осмыслению.

В своем исследовании диссертант комплексно использовал общенаучные методы — диалектико-материалистический, исторический, логический, анализ и синтез, а также частно-научные методы познания: системно-структурный анализ, конкретно-социологический, сравнительный, статистический, метод моделирования.

Нормативной базой диссертационного исследования послужили Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, Декларация прав человека и гражданина Российской Федерации, Конституция Российской Федерации, законы, указы Президента РФ, постановления Правительства РФ и другие подзаконные нормативные акты.

Осознавая критическую направленность ряда положений и научных выводов, сформулированных в диссертации, автор не допускал дилеммы — быть или не быть этим положениям и выводам в работе, поскольку убежден, что любая наука, в том числе социальная, не мо-

жет развиваться, если исследователь постоянно «озируется» по сторонам, а его мысль скована страхом перед авторитетом власти или силы.

Выводы и положения, выносимые на защиту. Настоящее научное исследование имеет структуру, позволяющую изучение любого поднятого частного вопроса подчинить общей цели и основной задаче, в связи с чем все основные выводы, выносимые на защиту, взаимосвязаны и взаимозависимы, а в тезисном порядке некоторые из них представляют собой следующие положения:

— *формирование научно-правового сознания судей — одна из важнейших сторон проводимой в России судебной реформы.* Вполне понятно, что термином «научно-правовое сознание судей» определяется вовсе не доктринальный уровень познания права, а такой необходимый уровень теоретико-правовых знаний, который позволит формировать соответствующий духу проводимой судебной реформы менталитет российского судьи. Этот судейский теоретический уровень познания права должен быть значительно выше среднестатистического уровня, соответствующего требованиям, предъявляемым к выпускникам высших юридических учебных заведений, и своей направленностью стремиться к доктринальному уровню, что позволяет характеризовать сознание судей как научно-правовое, а соответственно этому и их мышление как научно-правовое. Учитывая то обстоятельство, что до настоящего времени уровень теоретико-правовых знаний судьи не является одним из основных критериев оценки судейского профессионализма, потребуется немало усилий государственно-организационного плана, прежде чем судейский профессионализм и судейский менталитет будут ассоциироваться с научно-правовым сознанием их обладателя;

— *правопонимание — фундамент правового сознания любого правоприменителя.* Очевидно, что важнейшей составляющей, научно-правового сознания судей является правопонимание. Невозможно говорить о сознательном или осознанном выполнении должностным лицом функций правоприменителя, если это должностное лицо не имеет

четкого представления об основополагающем понятии этой деятельности — о праве;

— *современное нормативное правопонимание — единственно возможный научный подход, имеющий прикладное значение.* Этот тезис один из самых сложных в настоящей работе, поскольку, будучи многоаспектным, касается не только вопросов взаимодействия теории и практики, но и затрагивает разноплановые научные и профессиональные интересы правоведов. В нем в концентрированном виде выражены важнейшие проблемы профессионального образования юристов: качество преподавания в высших юридических учебных заведениях правовых дисциплин, и, в первую очередь, теории государства и права; упорядочение содержательной стороны научных предметов; рациональное сочетание здоровой амбициозности любых научных школ и направлений правовой науки с главной целью учебного процесса — подготовкой юристов-практиков, имеющих относительно четкое представление о праве, и не зараженных нигилистическим отношением к праву и правовым явлениям в обществе.

В свою очередь, *монополия на истину для правовой, как и всякой другой науки, губительна. Следовательно, не только вредно, но и опасно не разграничивать процесс обучения студента-юриста и процесс научных изысканий ученого-юриста;*

— *для любого общества сомнительной и социально деструктивной является идея жесткого разграничения и противопоставления права и закона,* из которой следует, что отдельный индивид по своему усмотрению может поступать не по действующему праву, а решать, какой из действующих законов правовой, а какой неправовой;

— *проблема судебного правоприменения в вопросе соотношения права и морали может и должна быть разрешена на законодательном уровне.* Для судебной практики необходимо определение такой «золотой середины», которая будет равно удалена, с одной стороны, от волонтаризма судьи, полностью игнорирующего «аморальную» (по его мнению) норму права, а, с другой — от слепой и полной зависимости судьи от «аморальной нормы» права в каждом конкретном случае.

Эта «золотая середина» должна быть регламентирована и закреплена процессуальным законом, чтобы не научные рекомендации, а именно закон предусматривал действия судьи в столь непростой ситуации;

— анализ правового закрепления принципа независимости российского судьи при исследовании вопроса о разделении властей и независимости суда показал, что в современных условиях *положение о трехлетнем испытательном сроке для юриста, впервые наделенного полномочиями судьи, противоречит принципу независимости суда* и требованиям, предъявляемым Европейским Судом по правам человека к данному принципу, не только «де-юре», но и «де-факто»;

— анализ вопроса о соответствии конкретных норм права уровню общественного развития привел к выводу, согласно которому своевременность изменения конкретных правовых норм требует, чтобы законодатель, как минимум, имел представление о нормах права, не соответствующих современному уровню общественных отношений, об актуальности этой проблемы, а также о том, как на практике (в жизни) складываются общественные отношения, требующие правового упорядочения. Синтезатором нормотворческих идей в данном случае не только может, но и должна выступать правоприменительная (и в первую очередь— судебная) практика. Самым идеальным вариантом для выявления норм права, не соответствующих прогрессивному направлению развития общества, могли бы служить специальные научно-аналитические отделы при высших судах общей юрисдикции субъектов Российской Федерации, цель которых состояла бы в том, чтобы собирать, анализировать, систематизировать и обобщать наиболее острые проблемы правовой жизни, проявляющиеся в судебной практике данного региона;

— *на современном этапе развития общества и судебной реформы общетеоретическая проблема уровня допустимой «самостоятельности» судьи в выборе средств и методов оценки доказательств должна быть разрешена путем общетеоретической разработки теории доказательств и юридическом закреплении ряда ее основополагающих выводов.*

Анализ проблем доказательств и доказывания в рамках судебного правоприменения позволил сформулировать правило, согласно которому для судебной правоприменительной деятельности аксиоматичным должно быть следующее требование: *легализация судом незаконных процессуальных действий органов предварительного следствия запрещена*. Методологический смысл данного правила заключается в том, что если суд, принимая то или иное решение по конкретному правовому спору, не может не опираться (вынужден опираться) на ущербные, с правовой точки зрения, действия органов предварительного следствия, то данное решение он принимать не имеет права;

— исследование проблемы доказательств и доказывания позволило не только прийти к выводу о необходимости научной разработки процессуальной теории и ее составляющей — теории доказательств на уровне общей теории государства и права, но и о необходимости законодательного закрепления ряда основных положений теории доказательств и доказывания с тем, чтобы создать предпосылки для перевода «броуновского движения» современного отечественного судебного правоприменения в плоскость цивилизованного предсказуемого правосудия;

— *принятие государством комплекса мер, направленных на формирование научно-правового сознания судей, способно повысить качество отечественного судебного правоприменения*. В свою очередь, от качества судебного правоприменения зависит социальное спокойствие, поскольку убеждение людей в справедливости и истинности выводов суда по разрешаемым правовым конфликтам — одна из составляющих условий гармоничного существования и развития общества.

Апробация результатов исследования. Основные теоретические выводы и положения диссертации рассматривались на заседаниях кафедры теории государства и права Саратовской государственной академии права. По этой проблеме автор выступал с докладами и сообщениями в Институте государства и права РАН, на семинарах, совещаниях и конференциях судей и адвокатов Владимирской области. Отдель-

ные практические предложения автора направлены в Администрацию Президента РФ.

Структура диссертации обусловлена целью, задачами и логикой научного исследования. Работа состоит из введения, 6 глав, объединяющих 27 параграфов, заключения; содержащего основные выводы и практические рекомендации выполненной работы, и списка использованной литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИОННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Во введении обосновывается актуальность и практическая значимость темы, аргументируется научная новизна, формулируются цель и задачи, раскрываются теоретические и методологические основы диссертационного исследования.

В главе первой «О правопонимании» раскрывается и обосновывается тезис о том, что современное нормативное правопонимание является единственно надежным и абсолютно необходимым фундаментом, гарантирующим любому правоприменителю четкие ориентиры на исключительно сложной стезе осмысления правовых конфликтов в обществе. Именно нормативное понимание права в рамках правоприменительной деятельности имеет прикладное и методологическое значение.

Вместе с тем очевидно, что *в науке о праве* должны быть исключены претензии кого бы то ни было на знание истины в последней инстанции, поскольку единственной гарантией существования науки может быть свобода мысли ученого, а внутренней пружиной развития правовой теории — конструктивная борьба мнений, взглядов, направлений, концепций, школ.

Однако для общества и государства крайне важно и жизненно необходимо создание условий, позволяющих воспитывать профессиональных юристов таким образом, чтобы к началу своей правопримени-

тельной деятельности они имели четкое представление о праве в его прикладном значении, то есть в том значении, которое выработано и многократно апробировано практикой. Для этого *в рамках учебного процесса* должен быть создан механизм, исключающий в преподавании учения о праве хаос, вызванный (в определенной степени) элементами амбициозности той или иной правовой школы.

В частности, указанию Президента России на то, что «на государственной службе нужны профессионалы, для которых единственным критерием деятельности является закон» (Российская газета. 2000.11 июля) прямо противоречат книги, выходящие крупными тиражами и имеющие гриф учебника, ориентирующие будущих профессионалов-юристов на противопоставление права и закона.

Лишь четкое разграничение учебного процесса, имеющего прикладное значение и направленного на подготовку юриста-профессионала, и процесса творческого поиска юриста-ученого позволяет не смешивать эти явления, а, сохранив индивидуальные признаки каждого, создавать условия для достижения максимального эффекта в обоих направлениях.

Проблема правопонимания — центральная в теории права. Любому правоприменителю, в особенности судье, необходимо иметь четкое представление о праве, являющемся базовым, отправным понятием правовой жизни общества. Без понимания права невозможно иметь правильный ориентир в правовой действительности, поскольку право находится в основе всех правовых явлений, существующих в обществе. Вопрос о правомерном и неправомерном — квинтэссенция деятельности суда.

Вопрос о понимании права и на современном этапе развития правовой науки остается дискуссионным. При этом, пожалуй, единственная точка зрения, разделяемая всеми без исключения, состоит в том, что вопрос о правопонимании — отправной, стержневой, главный в юридической науке и практике.

Все научно-правовые взгляды и теории, существующие в отечественной правовой науке на современном этапе, характеризуют собой

два основных подхода к пониманию права — нормативный и широкий, то есть охватывающий понятием права не только юридические нормы, но и другие правовые явления — правоотношения, правосознание и т. д.

Однако эта точка зрения в правовой науке не единственная. В частности, высказывается мнение о необходимости развития учения о праве путем его деления на естественное и позитивное. Подобная постановка вопроса вызывает сомнения. Во-первых, смешиваются два разноплановых явления, что, в свою очередь, не объясняет разграничение не совпадающих между собой направлений правопонимания/ Во-вторых, такой подход характеризуется противопоставлением (пусть даже разноплановых) явлений, тогда как конституционное закрепление основополагающих положений естественно-правовой доктрины свидетельствует об официально-властном стремлении не противопоставлять, а, напротив, максимально отражать в позитивном праве принципы и требования нравственных устоев общества.

Кроме того, в качестве самостоятельной, отличной от других, выдвинута точка зрения, согласно которой существует два таких противоположных подхода к правопониманию, как *юридический* — от слова право, и *легистский* — от слова закон (В.С. Нерсесянц), принципиальное отличие между которыми заключается, якобы, в различении или отождествлении права и закона. Однако то, что право и юридический закон не одно и то же, по утверждению С.С. Алексеева, «с юридической стороны очевидно, в научном отношении элементарно», если не возводить различие между законом и правом в некий абсолютизм или не давать этому различию некой особой авторской интерпретации.

В правовой науке существует множество дефиниций права. Однако независимо от различия в формулировках научное определение любого явления должно отражать его сущностную сторону.

Общая дефиниция права, с точки зрения последовательных представителей его современного нормативного понимания, характеризует право как систему общеобязательных, формально определенных норм, которые выражают государственную волю общества, ее общечелове-

ческий и классовый характер, издаются или санкционируются государством и охраняются от нарушений возможностью государственного принуждения, являются властно-официальным регулятором общественных отношений (М.И. Байтин).

Подходы к изучению права самые разнообразные, однако, как бы *право* ни понимали, оно *представляет собой регулятор поведения людей в обществе, специфика которого в том, что этот регулятор состоит из норм, изданных или санкционированных в строго определенном порядке государством и охраняемых им.*

Анализируя проблему правопонимания, диссертант формулирует абстрактное понятие *абсолютного правового идеала* (право в философском смысле), который представляет собой меру, эталон, идеальный образ отношений в конкретном обществе на конкретном этапе его исторического развития; меру, эталон, идеальный образ общих правил поведения, вызванных закономерностями существования данного конкретного социального образования, развивающегося в соответствии с принципами равенства, основанными на идеальном соответствии уровня «абсолютной» свободы каждого уровню совокупной воли свободы всех; меру, эталон, идеальный образ тех правил поведения, " которые объективно необходимы и абсолютно точно отражают потребности данного конкретного общества в достижении им наиболее гармоничного уровня существования на конкретном этапе его исторического развития.

Иными словами, абсолютный правовой идеал — это абстрактный эталон таких правил поведения, которые в идеале соответствуют уровню развития данного конкретного общества на конкретном историческом этапе, и которые идеально отвечают возможности его наиболее гармоничного развития. По мнению автора, стремление именно к этому абсолютному правовому идеалу, при котором только и может возникнуть общество всеобщего благоденствия, является движущим мотивом мыслителей-гуманистов всех эпох, направляющих свои устремления на осознание законов общественного развития.

В интересах общества можно и нужно тесно соединять дальнейшее изучение действующего права со скрупулезным осмыслением абсо-

лутного правового идеала; конструктивно критиковать существующее позитивное право, обосновывать необходимость его изменений, обновления и т. п. Однако при этом для любого общества сомнительной и социально опасной является идея жесткого разграничения и противопоставления права, и закона, *как это обосновывается либертарно-юридической теорией, из которой, по сути, следует*, что отдельный индивид по своему субъективному усмотрению может поступать не по действующему праву, а самостоятельно решать, какой из действующих законов правовой, а какой неправовой.

С этим вопросом тесно соприкасается вопрос о соотношении права и морали, о проблеме противоречия (в некоторых случаях судебного правоприменения) между нормами морали и нормами права. Диапазон предложений по вариантам выхода из тех случаев, когда для принятия решения необходимо выбирать между нормой права и нормой морали, колеблется от одной крайности (полное игнорирование «неправового» закона) к другой («слепое» исполнение закона). Безусловно, такой разброс мнений свидетельствует о сложности проблемы, но для судебной практики явно недопустим. Мудрецам древности принадлежит изречение: лучшая дорога — дорога посередине. В этом смысле для судебной практики необходимо определение такой «золотой середины» в рассматриваемом вопросе, которая будет равно удалена, с одной стороны, от волюнтаризма судьи, полностью игнорирующего «аморальную» (по его мнению) норму права, а с другой — от слепой и полной зависимости судьи от «аморальной нормы» права в каждом конкретном случае. Эта «золотая середина» должна быть регламентирована и закреплена процессуальным законом, чтобы не научные рекомендации, а именно закон предусматривал действия судьи в столь непростой ситуации.

Глава вторая посвящена вопросу разделения властей и независимости суда. Доктрина разделения властей не нова. Анализируя ее, Петр Баренбойм утверждает, что ожидать прихода к власти самых добросовестных, порядочных, честных и умных людей современности — столь же недостижимая цель, сколь и не соответствующая самой сути государственной власти. Хорошая конституционная схема долж-

на быть рассчитана на средний для общества уровень обычных, достаточно мелких страстей и помыслов заурядных людей с поправкой на быструю потерю у них реальной самооценки и возможности самокритики. Разделение властей потому и является важнейшей государственно-правовой доктриной, что создает систему сдержек и противовесов в соотношении различных ветвей власти и предусматривает конституционный баланс для всегда несбалансированных самолюбий государственных чиновников. Краеугольным камнем доктрины разделения властей является сильная независимая и равноправная с законодательной и исполнительной властями судебная власть.

В основе доктрины разделения властей лежит идея осуществления такой организации механизма государственной власти, при которой в обществе будет достигнуто господство права, то есть государственная власть будет «связана» правом. Это объективная потребность гражданского общества, нуждающегося в защите свободы, прав и безопасности своего существования. Вместе с тем история свидетельствует о том, что, как правило, каждый обычный человек (за крайне редкими исключениями, вызванными, скорее, слабостью, нежели силой), так или иначе достигший власти, рано или поздно непременно начинает ею злоупотреблять, открыто проявляет жажду обладания ею, явную вражду к каждому, кого заподозрит в притязаниях на эту власть, и принимает все меры к тому, чтобы ее не потерять. Как ни печально это осознавать, но данная психологическая закономерность относится в той или иной мере ко всем. В этой связи как на положительный момент в изменении правового статуса судей следует указать на ограничение по времени выполнения судьей функций председателя суда.

Однако данное явление (стремление к узурпации и злоупотреблению властью отдельным индивидом) имеет место и в коллективной узурпации власти, и коллективном злоупотреблении ею. История человечества свидетельствует о том, что узурпация и злоупотребление властью индивидом или коллективом людей (во всевозможных организационных формах) являются закономерностью, которая побудила лучших мыслителей древности и современности направить свои усилия на создание такого государственного механизма, когда, с одной

стороны, при сохранении тенденции к узурпации власти и злоупотреблению ею, с другой стороны — в интересах всего общества, в целях защиты прав и свобод личности, создаются условия, исключающие произвол власти. Идея разделения законодательной, исполнительной и судебной ветвей государственной власти предполагает наличие у каждой из них таких реальных рычагов, а также наличие такого общего государственного механизма, с помощью которых была исключена узурпация государственной власти кем бы то ни было.

Вопрос о независимости суда является краеугольным в доктрине разделения властей и системе сдержек и противовесов. История человечества доказала исключительную важность для общества реального претворения в жизнь этого принципа.

Понятие «независимый суд», содержащееся в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, представляется важным в связи с рассматриваемой проблемой. Статья 6 Конвенции закрепляет право человека на справедливое судебное разбирательство: «Каждый имеет право при определении его гражданских прав и обязанностей или при рассмотрении любого уголовного обвинения, предъявляемого ему, на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона...». Европейский суд по правам человека при определении того, является ли судебный орган независимым, принимает во внимание следующие факторы:

процедуру назначения его членов;

продолжительность их службы в этом качестве;

существование гарантий, препятствующих оказанию давления на них, а также то, имеет ли данный орган внешние атрибуты независимости.

Европейский суд также исходит из того, что судебный орган должен быть независим как от исполнительной власти, так и от сторон в деле.

Идеальным воплощением принципа независимости российского судьи при отправлении им правосудия может служить такая ситуация, когда судья, разбирая конкретный правовой конфликт, не думает о

необходимости обеспечения своего жилья теплом; о поиске средств для обеспечения семьи; о потенциальных возможностях участников правового конфликта написать тенденциозную статью в газету или явно надуманную жалобу в судебный департамент, в квалификационную коллегию; о заинтересованности в исходе дела сильных мира сего; о подводных течениях, которые могут возбудить негативное отношение к принятому решению со стороны прокуратуры — органа, надзирающего за законностью; и, наконец, о том, в какой состав суда следующей судебной инстанции попадет его дело с жалобой недовольной стороны. Идеально, когда судья в совещательной комнате думает только о комплексе имеющихся по делу доказательств; анализирует эти доказательства с точки зрения их относимости, допустимости, достоверности, достаточности; оценивает позиции спорящих субъектов с точки зрения имеющихся доказательств и на основе действующих норм права принимает конкретное решение. К этому идеалу необходимо стремиться. Решение данной задачи зависит от многих факторов и важнейшим из них следует признать юридические гарантии независимости судей, в том числе правовую регламентацию статуса судей.

Одним из положений, которое выносится диссертантом на защиту, является вывод о том, что трехлетний испытательный срок для юриста, впервые получившего статус российского судьи, противоречит принципу независимости судьи.

Прежде всего хотелось бы понять логику законодателя, закрепившего данное положение. Если претендент на должность судьи соответствует всем цензам, если в результате проведенной скрупулезной проверки его кандидатура признана соответствующей высокому статусу судьи, если этот кандидат при конкурсном отборе оказался лучшим для замещения должности судьи, то почему для него должен устанавливаться испытательный срок? Наверное, было бы неуместно говорить о трехлетнем испытательном сроке для хирурга, который «режет по живому» все три года, а по истечении этого срока выясняется, что он не может заниматься данным видом деятельности. Ведь судья ничуть не меньше (а может и больше) «режет по живому».

Суть проблемы заключается в том, что федеральный судья, назначенный (в соответствии с ч. 2 ст. 11 Федерального закона «О статусе судей в Российской Федерации») в первый раз на должность сроком на три года при существующей «тайне за семью печатями в работе кадровой комиссии при Администрации Президента РФ», должен в течение трех лет «быть painькой для силовых структур», поскольку в силу ч. 5 ст. 6 того же Закона по истечении указанного срока Президент РФ «назначает судей федеральных судов... либо отклоняет представленные кандидатуры...», а конфиденциальная информация о деловых, профессиональных и человеческих качествах этого судьи по истечении трехлетнего срока отправления им правосудия собирается из разных источников, в том числе из тех, которые прямо заинтересованы в работе судьи. При этом данная информация может носить и нередко еще носит «оперативный характер» и по степени достоверности напоминает доносы 30-х годов прошлого века.

Глава третья «Общетеоретические вопросы применения права» состоит из трех параграфов — «Понятие правоприменения», «Судебное правоприменение» и «Акты применения права» — и представляет собой теоретический блок, позволяющий планомерно перейти от общих правовых проблем, находящихся на уровне социально-философского осмысления, к освещению вопросов, непосредственно связанных с судебным правоприменением.

Применение права является особой формой реализации права. Применение права — это комплекс мыслительных и фактических, организационных и юридических операций (действий) субъекта правоприменения, имеющий целью обеспечить нормальное течение процесса реализации правовых норм. Особое место в этом комплексе действий занимает решение компетентного органа по конкретному юридическому делу. Под юридическим делом понимается жизненный случай, в отношении которого осуществляются правоприменительные действия, то есть жизненная ситуация, не только нуждавшаяся в юридическом рассмотрении, и, следовательно, уже получившая оценку как юридическая, но и фактически ставшая предметом юридических дей-

ствий со стороны правоприменительного органа. В решении компетентного органа по конкретному юридическому делу отражается индивидуальное государственно-властное веление. Решение дела — это не простая рядовая стадия процесса применения права, а стадия, которая занимает центральное положение, характеризует само применение как таковое, и от этого решения зависит последующее развитие правовых отношений.

Судебное правоприменение представляет собой специфическую форму реализации права компетентным органом — судом, осуществляемую в определенном, установленном законом порядке, направленном на реализацию правовых предписаний, непосредственным результатом которой является разрешение правового конфликта посредством издания акта судебного правоприменения по конкретному юридическому делу.

При анализе признаков судебного правоприменения — законности, обоснованности, целесообразности и справедливости — дается характеристика судебного произвола и судейского усмотрения. По мнению диссертанта, *судебный произвол* — это деятельность суда, характеризующаяся вольной (в нарушение предписаний правовых норм) судебной интерпретацией выводов, подлежащих установлению в рамках изученного правового конфликта. Вольной (то есть не вытекающей из требований закона) может быть интерпретация как самих обстоятельств дела, так и их юридическая оценка.

Определение понятия «*акт применения права*» — один из узловых вопросов при исследовании проблемы применения права потому, что данное понятие служит научным инструментом как общетеоретического, так и специально-отраслевого анализа правоприменительной деятельности, средством непосредственного научного (теоретического) «выхода» на практику.

Н.Г. Александров предлагает различать акт правоприменения как акт-действие соответствующего компетентного органа и акт-документ, в котором это действие получает объективированное выражение. Данный взгляд на изучаемое явление имеет определенные преимущества,

поскольку предполагает единство содержания правоприменительных действий и формы их объективированного выражения во вне; позволяет выяснить генезис актов применения права, которые по своему происхождению являются актами-действиями и выступают в реальной жизни в виде решений компетентных органов по конкретному юридическому делу. Ведь сами по себе правоприменительные акты не возникают. Они совершаются компетентными органами («акт» в переводе с латинского означает действие).

Правоприменительный акт как официальное решение компетентного органа или должностного лица по конкретному юридическому делу содержит государственно-властное веление, выраженное в определенной форме и направленное на индивидуальное регулирование общественных отношений.

Сущность актов применения права определяется сущностью права, а также задачами и целями правового регулирования общественных отношений в государстве.

Правоприменение призвано удовлетворить общественные потребности в вопросах организации, упорядочении и надлежащем функционировании конкретных связей и отношений. Правоприменительные акты, при всем своем разнообразии, участвуют в выполнении функции регулирования общественных отношений, а именно: создают юридическую основу для жизни правовых норм, рассчитанных на данную форму реализации; осуществляют перевод абстрактных правомочий, закрепленных нормой права, на общественные отношения, в плоскость осуществления права в реальной жизни. Поэтому quintessencia сущности акта применения права вообще состоит в его назначении содействовать конкретным субъектам в обеспечении и реализации их прав, в том числе путем возложения обязанностей на контрсубъектов данных отношений.

В соотношении нормативных и правоприменительных актов последние занимают подчиненное положение. Они не выражают и не содержат правовые нормы, а совершаются на основе и во исполнение их. Следовательно, акты применения норм права не усиливают власт-

ность применяемых правовых норм. Особенность их состоит в том, что они в лице субъектов правоприменения обладают реальной властной силой, материализующей властную силу применяемых норм, переводя ее из сферы абстрактно-типического в область конкретного, персонализированного, предметно-материализованного. Право не может самообеспечиваться, оно — ничто без аппарата, способного принуждать к соблюдению норм права.

Таким образом, говоря о судебной практике и правоприменении, необходимо отметить, что правоприменение — это сущностная сторона судебной деятельности, а судебная деятельность по своему социальному назначению является вершиной правоприменения. Судебная практика (как общая характеристика судебного правоприменения) постоянно ставит перед исследователем вопросы, глубокое и точное решение которых невозможно без теоретических разработок, без надежной теоретической основы.

Роль судебной практики в социальной практике переоценить трудно, поскольку судебная практика изучает отношения людей через призму государственных параметров, выраженных для данного рода или вида деятельности в норме права. Судебная практика служит индикатором соотношения общего и частного в социальных связях, что вызывает потребность в единообразии (в разумных пределах) судебной практики на всей территории государства, а это, в свою очередь, порождает необходимость тесной взаимосвязи судебной (юридической) практики и юридической теории.

Высокое качество правоприменительной деятельности зависит от совокупности факторов, среди которых одно из первых мест занимает высокое качество правовой теории, которой должны быть «вооружены» правоприменители.

Глава четвертая: «Юридическое познание в процессе судебного правоприменения».

Формирование научно-правового сознания судей проблематично без осмысления судьями теоретической проблемы юридического познания, освещая которую, диссертант касается четырех вопросов: пра-

во и правосознание; проблемы и природа юридического познания в правоприменительной деятельности; судебное познание; судебная процедура как форма юридического познания в процессе судебного правоприменения.

Раскрывая вопрос о соотношении права и правосознания, необходимо отметить, что сознание человека позволяет воспроизводить идеальный образ объективной реальности. Но это же свойство сознания позволяет формировать абстракции, что, с одной стороны, жизненно необходимо как для человеческого существования, так и для прогресса общества, а с другой — создает условия для возможности ухода человеческой мысли в область ирреального.

Следовательно, то, что находит свое отражение в индивидуальном или общественном сознании первично, а образ данного отражения в сознании произволен от первичного. При этом вполне очевидно, что отражение действительности в сознании не является зеркальным не только потому, что в нем происходит субъективное «преломление» поступающей информации, а еще и в силу того, что поступающая информация «накладывается» на жизненный опыт индивида, помогающий человеку воспринимать действительность в определенном смысле не механически, а творчески. В результате отражения объективной реальности происходит процесс постижения, понимания, осмысления этой реальности и как следствие психической деятельности появляется идеальный образ предмета, нашедший свое отражение в сознании человека. Этот идеальный образ реален лишь в качестве результата мыслительного процесса и может формироваться как на эмпирическом (тогда этот идеальный образ в той или иной степени отражает реальную действительность), так и на теоретическом уровнях. Причем теоретический уровень познания предполагает выработку в процессе мышления обобщающих понятий, формулировку дефиниций, построение теорий.

Какая реальность находит отражение в сознании человека и позволяет создать идеальный образ права? Если говорить об эмпирическом уровне познания, тогда право (как идеальный образ, поскольку как такового физического явления нет) представляет собой совокупность

юридических норм, в которых закреплены общеобязательные правила поведения. Эти нормы можно «пощупать», поскольку они имеют объективированное внешнее выражение в письменном виде. Данное явление, легко воспринимаемое на эмпирическом уровне познания, не только может, но и подвергается теоретическим исследованиям. Однако если говорить о теоретическом уровне познания, в результате которого в сознании человека создается идеальный образ права, не как результат восприятия совокупности юридических норм, а как явление «неосязаемое», то мы вынуждены будем согласиться, что это — мыслительный образ общественных отношений и идеальных потребностей в их регулировании. Эти идеальные потребности представляют собой идеальные правила поведения, причем существующие лишь в сознании одного человека или группы людей. Данные идеальные правила-нормы не имеют и не могут иметь четкой формулировки (поскольку «сколько юристов, столько и мнений»), но будут иметь общую направленность на регулирование общественных отношений с учетом объективной потребности общества в развитии.

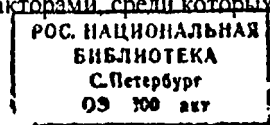
Однако нельзя отождествлять идеальный образ с объективной реальностью, которая, в свою очередь, проявляется в поведении людей, в отношениях между ними. Следовательно, правовой идеал как субъективный мыслительный образ, сформированный сознанием на теоретическом уровне отражения действительности, служит отражением реальных отношений и связей между людьми в обществе и в своей основе имеет критическую направленность, так как представляет собой совокупность идеальных правил поведения, которые, с точки зрения индивидуального или коллективного сознания, в отличие от действующего права гораздо точнее соответствуют закономерностям общественного развития. Причем в основе такого мыслительного образа лежит не «вольная трактовка общественной потребности», а осознание или понимание закономерностей общественного развития, познание реальности.

По убеждению диссертанта, правосознание представляет собой субъективное восприятие индивидом *необходимости государственной*

властного регулирования наиболее важных для общества отношений, идеальный образ этих отношений, а также оценку прав и обязанностей участников данных отношений с учетом понимания социально-экономических закономерностей развития общества и достигнутого уровня свободы, равенства и справедливости. Иными словами, правосознание индивида — это его субъективная оценка: себя в обществе, социальных отношений и связей, а также качества действующей правовой регламентации указанных отношений и связей.

При таком определении правосознания, очевидно, что его уровень отстает и будет отставать от идеальной потребности в регламентации наиболее важных общественных отношений, вызванной закономерностями существования данного общества, поскольку эта идеальная потребность ежесекундно проявляется как закономерность, ежесекундно отражает изменившиеся реалии, соответствует этим реалиям, а правосознание общества является результатом психической деятельности людей, зависит от многочисленных жизненных факторов, влияющих как на точность оценки этой идеальной потребности, так и на продолжительность по времени, в течение которого происходит осознание обществом этой потребности. Вместе с тем думается, что правосознание общества будет всегда опережать уровень позитивного права и в этом смысле будет находиться между позитивным и идеальным правом (правовым идеалом).

Анализируя проблемы и природу юридического познания в правоприменительной деятельности, диссертант исходит из того, что в правоприменительной деятельности юридическое познание при наличии общих закономерностей проявляется дифференцированно, имеет свои особенности в разных областях правоприменения, что объясняется прежде всего различным бытием субъекта правоприменения, осуществляющего юридическое познание. Речь идет о профессиональном бытии, об условиях работы, накладывающих свой отпечаток на поведение, сознание правоприменителя и создающих своеобразный профессиональный менталитет. Условия работы (профессиональное бытие) определяются многочисленными факторами, среди которых — место и

значимость в обществе той профессиональной деятельности, которой занимается правоприменитель; направленность; восприятие этой деятельности обществом; целевые установки, составляющие доминанту профессионального мышления правоприменителя. В этой связи, анализируя юридическое познание, проявляющееся в рамках одного уголовного дела, было бы ошибкой предполагать, что при наличии общих закономерностей юридическое познание на разных стадиях движения уголовного дела проявляется одинаково.

Юридическое познание правоприменителя как разновидность человеческого познания отличается от других его видов тем, что находится в юридическом мире, познает его и подчиняется его внутренним «законам». В связи с этим предметом юридического познания в области правоприменения всегда будут юридические явления; выводы этого юридического познания всегда будут касаться юридических явлений; форма и содержание юридического познания правоприменения всегда будет юридической; субъект юридического познания в области правоприменения (человек) будет не иначе, как юридическим субъектом.

Таким образом, юридическое познание в области правоприменения — это специфический вид мыслительной деятельности компетентного лица, отличающийся субъективной интерпретацией состоявшегося в прошлом жизненного события, связанного с человеческими отношениями, критическим анализом выдвинутых версий этого события, психологическим восприятием установленного знания о самом событии и его юридической оценке, знания, полученного в рамках юридико-познавательной деятельности, имеющей правовую регламентацию.

Данная характеристика юридического познания не претендует на роль единственной и абсолютно верной, а отражает наиболее существенные стороны данного явления

Общая характеристика юридического познания позволяет перейти к изучению судебного познания

Главнейшей составляющей юридического познания в правоприменительной деятельности является определение юридической значимости исследуемого события, а юридические свойства правового события

не есть результат механического «одевания» платья (правовой нормы) на тело (фактические отношения). Юридическая жизнь — это совсем другая сущность в отличие от фактической. У юридической жизни своя плоть, свои внутренние законы, свои критерии, свои проявления. Чтобы существовать в юридической жизни, необходимо соответствовать и подчиняться ее внутренним законам. Правонарушения или другие юридические события в юридической жизни появляются и существуют не тогда, когда произошло какое-то событие в реальной жизни, а лишь тогда, когда, во-первых, о них имеется юридическое знание, но не всякое знание, а знание, полученное в полном соответствии с законом (с юридическими нормами); во-вторых, если данные правонарушения или иные юридические события юридически обоснованы совокупностью доказательств (получивших, в свою очередь, право на юридическую жизнь, поскольку возникли в соответствии с юридическими нормами); в-третьих, если данные правонарушения или другие юридические события, появившись на свет в форме юридической версии, докажут право на свое существование в юридической жизни в качестве этих самых правонарушений или иных юридических событий, выдержав юридическую критику с разных сторон.

Таким образом, понимание сущности судебного юридического познания не позволит судье сбиться с начертанного ему законом пути, несмотря на имеющуюся в некоторых случаях «кромешную мглу» поступающих от органов предварительного следствия в суд «нелитературных произведений детективного жанра».

В своем исследовании диссертант касается проблемы судебной истины и приходит к выводу о том, что одним из важнейших теоретических и практических вопросов судебного правоприменения является вопрос о соотношении объективной и юридической (судебной) истины. По его мнению, судья не познает объективную реальность, он познает юридическую реальность. И нет в этом ничего ни аморального, ни противоземного, поскольку юридическая (судебная) истина — это то, что существует в юридической действительности, отражает

юридическую действительность, юридическую правду, это правильное отражение в сознании людей права, юридической действительности.

Однако если подходить к уяснению предмета судебного юридического познания (то есть того, что должен установить суд в процессе осуществления юридического познания) с «ошибочной» меркой — с инструментарием социальной, а не сугубо юридической сферы, или подходить к этому же вопросу с «двойным стандартом», то предмет судебного юридического познания будет либо объективной истиной, либо материальной правдой, либо истиной в виде постижения житейской и юридической правды дела (А.Ф. Кони), либо чем-то еще. Эти двойные стандарты, где, кроме юридической правды дела параллельно существует и материальная, житейская правда дела, объясняются, по мнению диссертанта, смешением понятий «социальная» (житейская) и «юридическая жизнь». Такое смешение вряд ли может принести четкость в сознание судей, стремящихся понять, что же все-таки должен установить суд в результате судебного юридического познания? В свою очередь, утверждение о том, что суд в рамках судебного разбирательства должен установить юридическую истину, а именно то, что существует в юридической действительности, отражает юридическую действительность, юридическую правду, знания о которой получены в полном соответствии с требованиями закона (а, значит, в рамках судебного разбирательства изучалась и реальная жизнь, получившая свою юридическую интерпретацию), с одной стороны, дает четкое представление о цели судебного юридического познания, а с другой — вполне определенно способствует укреплению законности и правопорядка в самом обществе.

Судебное юридическое познание осуществляется специальным субъектом в форме судебной процедуры.

Диссертант обращает внимание на то обстоятельство, что сама по себе судебная процедура, в рамках которой осуществляется судебное юридическое познание, не служит панацеей от невежества и злонамеренности правоприменителя. Вместе с тем понимание значимости су-

дебной процедуры для процесса установления юридической истины и понимание смысла конкретной правовой регламентации, судебной процедуры на всех этапах судебного правоприменения позволяет судье за абстрактной формальностью разглядеть те первопричины, породившие процессуальную форму, которые являются сущностью самого судебного процесса.

Анализ судебной процедуры в историческом ракурсе позволил диссертанту сделать несколько интересных наблюдений и выводов. В частности, насилие (и как одно из его проявлений — пытка) — исторически возникшее и существующее в реальности явление — присуще процедуре изобличения преступника на стадии досудебного следствия. Все примеры человеческой истории — бесспорное тому подтверждение. Насилие (как минимум в виде процессуального принуждения) — это имманентное свойство предварительного следствия. В свою очередь, познание истины и насилие — явления разноплановые, а их смешение создает «гремучую смесь», называемую произволом. Но-там, где царит произвол, стремление власть предержащего к истине становится иллюзией, прикрывающей деспотизм.

Изложенное позволило диссертанту вынести на защиту положение о необходимости (в целях искоренения обвинительного уклона в судах) исключения из доказательств обвинения показаний обвиняемого и подсудимого с использованием этих показаний на предварительном следствии как повода и основания для изучения одной из версий расследуемого события, а в судебном процессе как характеристики отношения подсудимого к обвинению и характеристики обстоятельств, влияющих на санкцию, применяемую в отношении подсудимого (раскаяние в содеянном, оказание помощи следствию в раскрытии преступления и т. п.).

Вполне очевидно, что судебная процедура как форма судебного юридического познания должна максимально способствовать созданию условий для установления юридической истины по делу. В свою очередь, юридическая истина по делу может быть установлена лишь при наличии *юридически значимых обстоятельств, закрепленных над-*

лежащим образом. Имеет смысл развеять два широко распространенных предубеждения судей: юридическое событие существует объективно, вне построения (а также критики и обоснования) версий сторон; юридическое познание напоминает собой исследование, сходное с естественнонаучным. Такие предубеждения свидетельствуют о том, что судья не понимает сути юридического познания: правонарушение или другие юридические события не существуют в юридическом смысле в том случае, если знания о них получены с нарушением закона, если они юридически не обоснованы, не выдерживают критики сторон.

Однако если судья невольно отождествляет юридически значимое событие с физическим, то есть объективным, а юридическое познание путает с естественнонаучным, то он будет делать вывод о виновности подсудимого, а также карать или миловать последнего, не замечая, что вместо судейской мантии на нем ряса.

Глава пятая «Толкование закона в рамках судебного правоприменения» и **глава** шестая «Доказательства и доказывание в судебном правоприменении» посвящены научному осмыслению основного инструментария судьи, занимающегося отпращиванием правосудия.

Правовое осмысление человеческих отношений, или оценка человеческих отношений такой социальной мерой, как право, предполагает, в свою очередь, наличие у субъекта правоприменения четкого представления, во-первых, об этой самой мере, а во-вторых, о процедуре «промеривания», или процедуре измерения исследуемого объекта имеющимся эталоном (мерой). Из этой посылки следует, что правоприменитель должен понимать, что собой представляет эталон, которым он обязан пользоваться.

Всегда и всюду юридические законы были, есть и будут несовершенными, хотя бы потому, что они составляются (оформляются) людьми. Определенность и четкость правовых норм как атрибут законности есть характерная черта любого цивилизованного общества, в котором к минимуму сведены условия для возникновения произвола в какой-либо форме. Но даже самый совершенный закон, на соответствующем этапе развития общества выдерживающий любую конструктивную критику,

не может претендовать на абсолютную ясность для правоприменителя, который в каждом случае применения данного закона сталкивается с конкретной жизненной ситуацией.

Анализируя теоретические аспекты юридической герменевтики с применением исторического метода познания, диссертант сделал одно наблюдение: как только нормы права начинают входить в существенное противоречие с потребностью общественного развития, судебная деятельность, как лакмусовая бумага, проявляет это несоответствие путем усиления судейского субъективизма, обнаружения многочисленных фактов со стороны судей «сметь свое суждение иметь». При достижении некоторого критического уровня такой «самостоятельности» судов государство начинает реагировать, активно противодействуя данному явлению. Далее происходит вынужденное приведение, позитивного права в относительное соответствие изменившимся потребностям общественного развития, а суды (по инерции, имеющей в основе не только объективные, но и субъективные причины) продолжают пользоваться тем уровнем «судейского произвола», который общество позволило ранее.

Следующий этап — открытое и явное проявление общественного недовольства судебным «произволом», которое становится тем настойчивее и громче, чем качественнее обновленное позитивное право отражает потребность регулирования достигнутого обществом уровня общественных отношений. Наконец, требование времени приводит к конкретным действиям государства, ограничивающим «вольность судей» в вопросах толкования закона, и на какой-то период возникает ситуация, предшествующая повторению описанного цикла, который начинается с того, что общественное развитие потребует вновь в диссонанс позитивному праву зазвучать на исторической арене авангарду правоприменения — суду как инструменту, в деятельности которого реально отражается постоянно существующий разрыв между правовой формой и идеальным уровнем правовой регламентации (идеальным, объективно необходимым правом, абсолютным правовым идеалом)

общественных отношений в данном социальном образовании на данном этапе его существования. Общество вновь «позволит» судам проявлять известную самостоятельность, разрешит в определенном смысле «заниматься судейским, произволом», пока уровень, позитивного права не будет вновь поднят до изменившегося уровня общественных отношений, и так далее. При этом следует отметить, что обе эти социальные тенденции (стремление к максимальной самостоятельности судов при разрешении правовых конфликтов и стремление к полной зависимости судов от правовой регламентации этих конфликтов) существуют вместе, и лишь в зависимости от конкретных социальных условий одна из них на какое-то время проявляется более отчетливо.

Эти рассуждения привели диссертанта к выводу о том, что уровень самостоятельности судов, уровень «судейского произвола» в каждом обществе на конкретном историческом этапе его развития в итоге представляет собой проявление одной закономерности: чем в меньшей степени позитивное право соотносится с потребностями общественных отношений в их регулировании, чем менее качественно положительное право регламентирует поведение людей в обществе (по разнообразным причинам — от явной «отсталости» до индивидуальных особенностей правовой системы, конкретного общества, проявляющихся в недостаточной степени конкретизации правовой регуляции), тем в большей степени проявляется самостоятельность судов, тем больше общество позволяет судам «заниматься судейским произволом». Вполне понятно, что под «судейским произволом» в контексте сказанного понимается максимально возможный уровень судебного толкования закона в угоду потребностям общественных отношений, вплоть до «исправления» положительного закона (в философском смысле — до достижения нового качества, противоположного своему, то есть выполнения функций законодательной власти).

Диссертантом исследуются правила (приемы и способы) юридической герменевтики, минимальные знания о которых, по его мнению, с

методологической точки зрения и с точки зрения практической значимости, крайне необходимы судье для осуществления правосудия.

Методологический характер данной части научного исследования не исключает наличия предложений общего, в том числе организационно-методического плана. В частности, процессу собственно толкования нормы права предшествует проверка подлинности норм права и правильности их текста, предполагающая сопоставление нормы права с текстом нормативного акта, в котором данная норма содержится. Временные затраты судьи на этапе проверки подлинности нормы права и правильности ее текста могут быть сведены к нулю при условии обязательного централизованного снабжения всех судей печатными изданиями, в которых опубликованы нормы права федерального уровня, из одного источника, к примеру, от издательства «Юридическая литература» Администрации Президента РФ. Таким же образом вопрос может быть решен на региональном уровне (в субъектах Федерации).

Одним из вопросов, исследуемых в диссертации, является вопрос об интерпретационной деятельности Конституционного Суда РФ, которая по своей глубине и выверенности должна находиться на уровне доктринального толкования, представлять для любого судьи практический интерес, поскольку в каждом конкретном случае Конституционный Суд РФ осуществляет тщательный анализ текста толкуемой нормы права, устанавливает смысл и цель конкретного правового положения, изучает источники его возникновения и соотносит толкуемую норму со всей системой конституционных норм. И поскольку результаты интерпретационной деятельности Конституционного Суда РФ (в отличие от доктринального толкования) носят общеобязательный для правоприменителя характер, можно утверждать, что сама интерпретационная деятельность Конституционного Суда РФ должна рассматриваться судьями в качестве методологической, то есть указывающей на те принципиальные подходы, которыми в интерпретационной деятельности должен руководствоваться любой судья.

Анализируя теоретические вопросы юридической герменевтики, диссертант отстаивает точку зрения, согласно которой отступление правоприменителя от требований закона представляет собой не что иное, как нарушение сущностной стороны юридической жизни, ее внутренних законов и принципов. Например, судебное уголовное правоприменение в основе своей должно иметь аксиоматичное требование — лицо может быть осуждено не за то, что могло быть на самом деле, а лишь за то, что доказано совокупностью относимых и допустимых доказательств, собранных надлежащим компетентным субъектом в рамках своих полномочий и в соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона. И хотя это требование не исключает возможности избежания рядом лиц уголовной ответственности, адекватной совершенному ими общественно опасному посягательству, оно позволяет четко определить в обществе «правила игры», которые в данном вопросе конкретизируют и упорядочивают отношения в обществе, создают условия стабильности и исключают ту или иную степень судебного произвола. Вред обществу от первой возможности (латентная преступность и относительная безнаказанность лиц, совершивших общественно опасное посягательство) меркнет перед тем вредом, который потенциально несет в себе перспектива нарушения социального равновесия, всегда превращающаяся в реальность, стоит только любой ветви власти узурпировать власть и творить безграничный произвол.

«Где "границы действительной необходимости" и чем предполагается удержать судебское усмотрение от извращения в судебский произвол? И вообще, если мы освободим судью от связанности законом, где мы найдем критерий для разграничения "усмотрения" от "произвола"? ...Пусть, наконец, свободное судебское усмотрение *иногда* может оказаться полезным для тех или других *частных* интересов личности, но оно всегда бесконечно вредно для *основного и общего* интереса личности, *интереса в определенности ее правового положения*, в независимости от чьей бы то ни было милости или немилости. *Порожденное произволом благо не может выйти за узко очерченные рамки, тогда как зло его безгранично, а потому и угроза, которую произвол несет в себе, также не имеет пределов*» (И.А. Покровский).

В завершение вопроса о толковании закона в рамках судебного правоприменения диссертант обращает внимание на то, что данный вопрос, кажущийся, на первый взгляд, сугубо прикладным, узко профессиональным, в целом имеет фундаментальное значение. Это объясняется общесоциальными, в том числе правовыми, политическими, экономическими, идеологическими последствиями, возникающими в любом современном обществе, в зависимости от подхода к его разрешению. Если общество позволяет любой власти (не только судебной) по каким-либо соображениям встать над законом (даже на «непродолжительное время» и для сиюминутного достижения положительного результата), оно обрекает себя на лишения, поскольку произвол — синоним зла.

Глава шестая посвящена одному из важнейших вопросов правоприменительной судебной деятельности — *доказательствам и доказыванию*.

На современном этапе развития общества и судебной реформы общетеоретическая проблема уровня допустимой «самостоятельности» правоприменителя как в выборе средств и методов доказывания, так и в оценке доказательств должна быть разрешена путем разработки теории доказательств на уровне теории государства и права и юридического закрепления ряда ее основополагающих выводов.

Для отправления правосудия доказательства и доказывание являются и процессуальным фундаментом, и процессуальным стержнем. Доказывание — сущностная сторона судебного процесса, доказательства — материальные носители судебного-процессуальной сущности.

Оценка роли и места, которые занимает поднятая проблема в правоприменительной деятельности, особенно в деятельности судов, настоятельно требует разрешения как минимум двух вопросов.

Один из них — вопрос кардинального изменения отношения в рамках учебного процесса к теме «Доказательства и доказывание». Качество и объем знаний, которыми обязан владеть выпускник юридического вуза в этой области, должны быть несравненно выше того уровня требований, которые предъявляются сегодня высшей юридической

школой. Не только увеличение количества-преподаваемых часов по данной теме, но и экзаменационная проверка уровня знаний, полученных студентом, может в определенной степени способствовать решению проблемы соответствующей подготовки юридических кадров для правоприменительной деятельности.

Второй вопрос более сложный, поскольку требует не только специальных научных изысканий, но и законодательного закрепления выводов теории доказательств и доказывания.

Суть обозначенной проблемы заключается в следующем:

1) объемный эмпирический материал в области правоприменения, а также значительное число отраслевых научных исследований, посвященных изучению проблемы теории доказательств и теории доказывания, создали достаточные предпосылки для общетеоретического осмысления поднятой проблемы и формирования на базе теории государства и права общетеоретического фундамента, который бы позволил продолжать научные исследования теории доказательств и доказывания на более высоком общетеоретическом уровне;

2) в рамках общетеоретических исследований проблем теории доказательств и теории доказывания, применяя историко-правовой метод исследования, необходимо осмыслить закономерности становления и развития доказательственного права, при этом определить, какие факторы, каким образом влияли на степень «самостоятельности» судов в выборе средств и методов доказывания. Это исключительно важно не только потому, что общество, забывшее историю своего становления и развития, не имеет будущего, но и в связи с тем, что судебное правоприменение сегодня нуждается в такой научно обоснованной общей теории доказательств и доказывания, которая, с одной стороны, даст судам надежный компас судебного правоприменения, позволяющий судье не сбиваться с верного пути и иметь четкую ориентацию в своей правоприменительной деятельности, а с другой — четко сформулирует правила «игры», позволяющие, если и не заглянуть в «святая святых» судопроизводства — внутреннее убеждение судьи, то реально оценить, в соответствии ли с этими самыми правилами у судьи возникло его внутреннее убеждение.

Практическая часть рассматриваемой проблемы заключается в том, что на основе научных разработок и общетеоретических выводов необходимо сформулировать такие отраслевые нормы права, следование которым приведет к упорядочению судебного правоприменения с точки зрения теории доказательств и доказывания.

Анализируя проблему доказательств и доказывания, диссертант формулирует правило, согласно которому для судебной правоприменительной деятельности аксиоматичным должно быть следующее требование: *легализация судом незаконных процессуальных действий органов предварительного следствия запрещена*. Данное правило имеет методологический смысл, заключающийся в следующем: если суд, принимая то или иное решение по конкретному правовому спору, не может не опираться (вынужден опираться) на ущербные, с правовой точки зрения, действия органов предварительного следствия, то данное решение он принимать не имеет права.

Анализ вопроса о соответствии конкретных норм права уровню общественного развития приводит автора настоящего исследования к выводу, согласно которому своевременность изменения конкретных правовых норм требует, чтобы законодатель как минимум имел представление о нормах права, не соответствующих современному уровню общественных отношений, об актуальности этой проблемы. Своеобразным индикатором здесь не только может, но и должна выступать правоприменительная (в первую очередь — судебная) практика.

Самым идеальным вариантом для выполнения этой задачи могли бы служить специальные научно-аналитические отделы при высших судах общей юрисдикции субъектов Федерации, служащие которым должны находиться в вертикальном подчинении либо специальному отделу при Президенте РФ, либо Комитету по законодательству Государственной Думы РФ. Цель создания таких структур очевидна: их служащие должны собирать, анализировать, систематизировать и обобщать наиболее острые проблемы, возникающие в судебной практике данного региона. Эти отделы могут стать в каждом субъекте Фе-

дерации научно-правовыми аналитическими центрами, в которых будет аккумулироваться как информация о действенности правового регулирования тех или иных отношений, так и конкретные предложения судей и работников сферы правоприменения по вопросам изменения действующего законодательства. Обобщение такой информации, полученной из всех субъектов РФ, позволит дать довольно четкую картину действенности конкретных норм права, наличия «болевых точек» в вопросах правового регулирования, а также обозначить социальные потребности либо в урегулировании тех или иных отношений, либо в качественно новой их правовой регламентации.

Подбор кадров в данные отделы должен осуществляться тщательно. Кандидат обязан владеть не только достаточным уровнем теоретических и практических знаний, но и иметь аналитический склад ума. Деятельность таких отделов должна быть всецело направлена на выполнение единственной задачи — опираясь на судебную практику, быть диагностическим центром по выявлению первых признаков «старости» или, наоборот, «чрезмерной молодости» тех или иных правовых норм. Эти отделы должны быть в высших судах субъектов Федерации; ибо только в этом случае они смогут находиться в эпицентре регионального судебного правоприменения, где относительно полно концентрируется весь спектр наиболее конфликтных вариантов развития тех или иных правоотношений.

В свою очередь, своевременное приведение юридических предписаний в соответствие с уровнем общественных потребностей, нуждающихся в новом регулировании тех или иных отношений, является одним из условий стабильности в обществе.

Результатом проведенного исследования стал вывод о том, что наряду с высокоморальными человеческими качествами юрист, желающий посвятить свою жизнь делу отправления правосудия, обязан понимать сущностную сторону этого сложнейшего вида юридической деятельности, для чего ему необходимо иметь хотя бы минимум научно-правовых знаний о проблемах, составляющих стержень истинно судейского менталитета.

Вопросы о правопонимании, разделении властей, применении права, юридическом познании в процессе судебного правоприменения, толковании закона в рамках судебного правоприменения, доказательствах и доказывании — тот минимальный теоретико-правовой багаж, без которого крайне опасно заниматься отправление правосудия.

В заключении делается вывод о том, что разрешение стоящей перед российским обществом задачи последовательного, всестороннего и полного проведения в жизнь судебной реформы немислимо в отрыве от правовой науки.

Привлекая внимание к некоторым, наиболее важным положениям исследования, получившим развитие в ряде опубликованных работ по проблемам теории и практики правоприменительной, деятельности суда, автор не претендовал на то, чтобы полностью исчерпать эту сложную и многогранную тему. Выполнение такой задачи требует объединения усилий многих ученых-правоведов, и, быть может, отдельных научных коллективов.

Вместе с тем диссертант надеется, что представленная к защите работа будет способствовать созданию основы для дальнейшего развития этого нового научного направления в общей теории государства и права, имеющего существенное научно-практическое значение для российской юриспруденции в целом.

В свою очередь, докторант намерен и дальше продолжить работу в избранном научном направлении, сосредоточить основное внимание на дальнейшей разработке фундаментальной проблемы — соотношения истины и судебного правоприменения, в которой в концентрированном виде проявляется правовая жизнь общества.

Основные положения диссертации опубликованы в следующих работах:

М о н о г р а ф и и

1. *Аверин А.В.* Правоотношение и судебная практика. Владимир: Изд-во Владимирского гос. ун-та, 2003. — 12,75 п. л.

2. *Аверин А.В.* Правоприменительная деятельность суда и формирование научно-правового сознания судей. Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2003. — 19,25 п. л.

3. *Аверин А.В.* Судебная достоверность (Постановка проблемы). Владимир: Изд-во Полиграфическая компания «Транзит-Х», 2004. — 19,5 п. л.

Н а у ч н ы е с т а т ь и ,
б р о ш ю р ы , р е ц е н з и и

4. *Аверин А.В.* Права и обязанности сторон в суде // Советская юстиция. 1993. № 20.' — 0,8 п. л.

5. *Аверин А.В.* Объект спорного правоотношения // Российская юстиция. 1994. № 3. — 0,75 п. л.

6. *Аверин А.В.* Правоотношение и судебная практика: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1994. — 1,2 п. л.

7. *Аверин А.В.* О некоторых вопросах применения судами уголовно-правовых норм // Вопросы теории государства и права: Новые идеи и подходы: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов: Изд-во Саратовской гос. академии права, 2000. Вып. 2(11). — 1 п. л.

8. *Аверин А.В.* Исследование судебного правоприменения в свете проводимой судебной реформы (к постановке проблемы) // Вопросы теории государства и права: Актуальные проблемы современного Российского государства и права: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2003. Вып. 4 (13). — 1 п. л.

9. *Аверин А.В., Байтин М.И.* О судебной процедуре (к вопросу о необходимости формирования научно-правового мышления судей) // Вопросы теории государства и права: Актуальные проблемы современного Российского государства и права: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2003. Вып.4(13).—1 п. л.

10. *Аверин А.В.* Постановка проблемы исследования судебного правоприменения // Вестник СГАП. Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2003. № 3. — 0,3 п. л.

11. *Аверин А.В.* Юридическое познание в процессе судебного правоприменения // Правовая политика и правовая жизнь. 2004. № 2. — 0,5 п. л.

12. *Аверин А.В.* Конституция Российской Федерации и некоторые вопросы судебного толкования норм права // Конституция Российской Федерации и современное законодательство: проблемы реализации и тенденции развития (к 10-летию Конституции России): Международная научно-практическая конференция (1-3 октября 2003 г.): в 3 ч. / Под ред. А.И. Демидова, В.Т. Кабышева. Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2004. Ч. 2. — 0,5 п. л.

13. *Аверин А.В.* Рецензия на монографию В.А. Новицкого «Теория российского процессуального доказывания и правоприменения». Ставрополь: Изд-во Ставропольского гос. ун-та, 2002. 584 с. // Актуальные проблемы правоведения. Самара. 2004. № 3. — 0,3 п. л.

14. *Аверин А.В.* О проблеме доступности и разумности судебной достоверности // Право и политика. 2004. № 5. — 0,5 п. л.

15. *Аверин А.В.* Судебная достоверность, как содержание судебной истины // Новая мысль. Волгоград, 2004. № 1. — 0,5 п. л.

16. *Аверин А.В.* Судебное правоприменение. Установление юридической истины в результате юридического познания // Вестник Владимирского гос. ун-та. 2004. Вып. 9. — 0,5 п. л.

17. *Аверин А.В.* К вопросу о судебной оценке уголовных доказательств. Относимость доказательств // Российский следователь. 2004. № 4. — 0,5 п. л.

Подписано к печати 06.05.2004 г. Уч.-изд. л. 2,33
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Тайме».
Тираж 200 экз. Заказ 205.

Отпечатано в типографии
ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права»
410056, г. Саратов, ул. Вольская, 1.

13488